

"Мама! Я дома. Где ты?"

"Я наверху, в твоей комнате, Джейсон", - сухо ответила Элизабет сыну.

Подумав, что это странно, Джейсон сразу заметил ее строгий тон. Обычно она является на кухню, чтобы обнять его и поцеловать в щеку, как будто она там ждала его возвращения домой, чтобы поприветствовать его. Обычно, как будто он был мужчиной в доме, а он, несомненно, им и был, она охотно выслушивала, как прошел его день, подавая ему молоко и печенье за кухонным столом, как будто он все еще был ее маленьким мальчиком. Обычно она рада его видеть. Сегодня все было по-другому. Он чувствовал напряжение в воздухе и в ее голосе. Что-то было не так, но что? Затем он понял, что она находится в его комнате.

"О, черт. Что она нашла?"

В его голове пронеслось множество мыслей. Что его мать делает в его комнате? Поскольку уважение личного пространства друг друга является большой проблемой, как для нее, так и для него, она никогда не заходит в его комнату. Он забыл закрыть дверь своей спальни? Нет, он помнит, что закрывал ее, когда уходил на занятия в колледж. Забыл ли он выключить компьютер? Нет, не забыл. Он помнил, что выключил его. Даже если бы он оставил компьютер включенным и работающим, все равно все защищено паролем, подумал он про себя, откладывая учебники и снимая рюкзак. Его мать, страдающая технофобией, ни за что не смогла бы прочитать ничего из того, что он написал о ней на своем компьютере.

'О, черт!'

Может быть, она нашла пару ее трусиков и/или лифчик, которые он обычно щупал, мастурбируя, и забыл положить обратно в корзину для белья.

'О, черт.'

Больной от беспокойства, зная, что она что-то нашла, но что именно, он поднялся по лестнице в свою комнату по двое.

"Привет, мам", - сказал Джейсон с принужденной улыбкой, стоя в дверях и оглядывая свою комнату, чтобы проверить, не выглядит ли что-нибудь потревоженным.

Его мать сидела на его кровати. Она никогда не сидит на его кровати. Что же это такое? Предчувствие обреченности овладело им, как будто его отправили в кабинет директора, когда он учился в школе, так давно.

"Привет, Джейсон", - сказала она, не вставая, чтобы улыбнуться или поцеловать его в щеку, а он был слишком расстроен, чтобы подойти к ней за этим.

"Что ты делаешь в моей комнате?"

Он пытался вести себя спокойно, хотя внутри у него была паника. Он знал, что она что-то нашла, это было видно по ее жесткой манере поведения, но что? Как будто она была чертовой королевой Англии, она всегда была такой жестко осуждающей, но сегодня она была его матерью на стероидах. Сегодня она вторглась в его личную жизнь. Внезапно он почувствовал, что она его контролирует.

Он должен был догадаться, что такая схема проживания никогда не сработает. Когда все его друзья жили недалеко от кампуса в собственных квартирах, 22-летний взрослый мужчина все еще жил дома с матерью. Только, чувствуя себя неловко из-за того, что покидает ее, так долго находясь рядом с ней, откладывая неизбежное, он выбрал местный университет, вместо того чтобы уехать из штата, чтобы пойти учиться. Он решил, что жизнь дома, а не в кампусе, не только сэкономит деньги, но и позволит ей чувствовать себя лучше, когда он становится мужчиной и перестает быть ее маленьким мальчиком. Только вот что бы она сделала, если бы он нашел женщину, женился и ушел от нее, чтобы жить своей жизнью?

Он задавался вопросом, что она могла найти. Он не употреблял наркотики, но, возможно, кто-то из его друзей оставил косяк или марихуану, когда они в последний раз были в гостях. О, Боже, как было бы стыдно, если бы она нашла доказательства того, что он мастурбировал, особенно в его возрасте, может быть, использованную салфетку или его обнаженные фотографии Дженнифер Лопес, его кумира пумы. Возможно, поскольку она уже сидела на его кровати, она собиралась провести с ним беседу о птицах и пчелах. И все же, в 22 года, хотя она все еще обращалась с ним, как со своим маленьким мальчиком, он уже не был озабоченным прыщавым подростком, он был мужчиной.

О, черт, может быть, она нашла его шпионский журнал, тот самый, с цветной камерой, обведенной кружком, который он собирался купить, чтобы шпионить за ней, раздевающейся догола, чтобы принять душ, одевающейся и раздевающейся для сна в ее спальне, или в надежде застать ее мастурбирующей в постели. Он выбрал именно эту камеру, потому что программное обеспечение автоматически загружало прямую трансляцию на его компьютер. Делая вид, что он сидит за компьютером и делает домашнее задание, он мог наблюдать за своей обнаженной матерью из любой комнаты дома через портативный беспроводной ноутбук. Что бы она ни нашла, по выражению ее лица он понял, что она нашла что-то плохое. Что бы это ни было, он был в полной заднице.

"Ну что ж", - сказала Элизабет, сидя на его кровати с коленями, прижатыми друг к другу так плотно, что казалось, будто они зацементированы.

И все же, даже с такими плотно прижатыми коленями, из-за того, что она предпочитала короткие юбки и из-за ее стройных бедер от пробежек по окрестностям, она все равно непроизвольно и регулярно давала ему возможность заглянуть в треугольное пятно ее трусиков, чуть выше бедер.

"Да? Что такое, мама?". Она вела себя так, словно кто-то в семье умер, ее жесткая манера поведения пугала его.

Она была так же чертовски красива, как и чертовски анальна. Хоть раз он хотел бы увидеть, как она расслабится. Хоть раз он хотел бы увидеть ее пьяной, или под кайфом, или настолько счастливой, что ей было бы наплевать на все те неважные вещи в жизни, которые сводили ее с ума. Он пытался приучить ее к медитации, купив ей на Рождество книгу и кассету, но она так и не сделала этого. День в спа-салоне, он купил ей массаж на день рождения, но она и этим никогда не пользовалась. Привлекательная женщина, он хотел, чтобы она нашла кого-то, кто сделает ее счастливой и избавит ее от него, но служба знакомств, в которую он отправил ее анкету, не сработала. У нее было несколько свиданий, и он подозревал, что у нее был секс, но мужчины, с которыми она встречалась, вероятно, просто искавшие секса, никогда не звали ее на второе свидание. К лучшему или к худшему, две горошины в стручке, соединенные бедрами, как будто они никогда не перерезали пуповину, они все еще были вместе, как мать, слишком привязанная к своему сыну.

Зная, что она думает над тем, что сказать, он наблюдал, как она борется со своими мыслями. По тому, как она разгладила свою короткую юбку и положила руки на колени, как будто специально лишая его привычного вида на трусики, если он смотрел, он понял, что она каким-то образом знает, что он всегда смотрит, чтобы увидеть то, что он может увидеть от нее. Но как, черт возьми, она узнала, что он - вуайерист, а она - его личная, частная эксгибиционистка? Отвлекая ее внимание от его сексуальных намерений и от его кровосмесительного взгляда с помощью хорошо расположенных зеркал, принимая все меры предосторожности, чтобы превратить дом в тайный рай для вуайеристов, он все эти годы был так осторожен, чтобы она не поймала его взгляд.

"Я убираю твою одежду, когда решила сменить простыни", - сказала она, глядя на него с ужасом, как будто он только что сказал ей, что является серийным убийцей. "Я нашла твою черную папку, полную отвратительных, грязных историй обо мне, под твоим матрасом", - сказала она, вытаскивая книгу из-за спины и держа в руках его грязную книгу кровосмесительных историй с ней в главной роли.

"Прости, мама", - сказал он, опустив голову, как будто он только что снова разбил окно, играя в бейсбол на лужайке перед домом, когда был ребенком.

"Должна признать, поскольку написано было на высшем уровне, это было интересное чтение", - сказала она с самодовольством.

Несмотря на свой комплимент, она посмотрела на него так, словно он только что ударил ее ножом в сердце. Она смотрела на него с лицом, полным боли, так, как она, должно быть, смотрела на своего парня, когда он сказал ей, что не любит ее, после того, как 23 года назад оплодотворил ее и бросил, чтобы растить его в одиночку. Всегда такая позитивная, она всегда искала светлую сторону вещей, и тот факт, что она хвалила его за эротические рассказы о ней, его собственной матери, был немного натянутым.

"Мама! Ты читаешь мои рассказы?" Легкое головокружение парализовало его от страха, в то время как почти каждое грязное слово, которое он написал о ней, пронеслось в его голове, как сверхзвуковая бегущая строка. Охваченный угрызениями совести, он не мог пошевелиться. "Как ты мог? Это личное. Это личное. Это мое".

<http://erolate.com/book/1659/49170>